
По свету гулял взрывной механизм,
Считая свой ход за большой героизм!
Не знавший ни правил, ни веских причин,
Под чьим-то пальто и десятком личин.

Он был одинок – ни семьи, ни друзей.
Любил он театр, кино и музей.
И скрытный, и тихий, подобно ворам,
Он ездил в метро и ходил по домам.

По площади шёл, демонстрируя нрав,
В попытке сказать всем насколько он прав.
Идею хотел донести до людей...
Как будто нам всем не хватает идей...

Вскричал, не сдержался в порыве речей...
...И люди зажгли миллионы свечей.
И чёрным пятном воссиял героизм! -
В местах, где любил так гулять механизм.

Любая борьба – это смертный покой...
Пропел лишь «тик-так» механизм часовой.
Я твердо уверен, я верю всерьёз –
Не стоит ничто человеческих слёз....

Вместо колыбельной

На ночь дверь запри покрепче,
Спрячь в берлоге одеял -
Волны локанов, что шепчут,
Будто Тихий океан.

Россыпь слёз - подобна звёздам!
Сдержишь, может, кое-как.
Знаешь, это несерьёзно...
Проливать их просто так.

В темноте пустого мира -
Луноликий месяц май.
Дверь скрипучую квартиры
Ты ему не открывай!

Ты не верь ему, он тоже,
Ровным счётом, как и я,
Только сердце потревожит
Блеском рыжего огня.

Засыпай скорее... Утром
Золотой заржёт Пегас.
И как будто, и как будто
Всё забудется про нас.

Добрых снов! Цвети сиренью...
В полуночной седине.
Не пугайся, если тенью

Промелькнёт в твоём окне -
Силуэт из многоточий,
Цепью бронзовой звеня...
Это я летаю ночью -
Призрак прожитого дня.

Будущим руинам...

Закрыли круглосуточный ларёк...
Масштаб трагедии понятен!
Идёшь домой, не чуя ног,
Обходишь лоск фонарных пятен.

В кармане, брякая ключом,
Плывёшь в ночи по первым лужам –
В великих думах ни о чём!
Смешон и глуп, и простодушен.

Снесут шалаш... Ему поклон!
Взамен ему воздвигнут, может,
Скребущий небо Вавилон,
Куда ты, вряд ли, будешь вхожим.

Не стало места – не впервой...
Никто о нём и не заплачет.
Вот и тебя, мой дорогой,
На слом когда-нибудь назначат...

Nostalgie

Накурили. В две гитары,
Рассказали о прошедшем.
Кухня знает все секреты,
Кухня - это место дзен.
Эти горькие нектары,
Этот гогот сумасшедший...
Отзываются приветом

В каждый прожитый мой день.
Те слова, что говорил я,
Метят в грудь мою кинжалом!
Ранят больно, очень больно,
Но убить у них нет сил.
Там на кухне, мои крылья,
За буфетом обветшалым,
Я их в шутку снял, невольно,
Я про них совсем забыл.

Коль найдёшь их, друг мой, милый...
Закати себе фиесту!
Расскажи хорошим людям,
Что когда-то здесь я был.
Память пахнет нафталином,
Нафталином пахнет место...
Где поют и нежно любят,
Где когда-то я любил.

Об аппетитах

Чиновник вышел на обед...
Почти святой и бескорыстный!
С тоской подумал про бюджет,
Про демографию Отчизны.

«Болят душа за весь наш люд...» -
Он молвил тихо, чуть не плача...
И заказал с десяток блюд,
Всё о судьбе людской судача.
Вздыхнув, он расстегнул манжет,
Кивнул печально головою...
И начался его обед
С блинов. Конечно же, с икрой.
Под них, известно, хорошо
Пустить по горлышку полтинник...
Он выпил штофчик небольшой -

За стройку школ и поликлиник.

Кривя от градуса свой рот,
И будто волк, оскалив зубы -
Он стал бороться за народ
С селёдкой, что была под шубой!

Трещали складки пухлых щёк -
В борьбе за правду... То и дело
Чиновнику несли ещё...
И всё дымились и шипело!

«Гарсон, тащи деликатес!».
И в тот же миг, несут в посуде
Жульен грибной и буйабес,
Да, поросёночка на блюде.

Гарсон кряхтит, гарсон пыхтит...
Кормя с руки, по-матерински!
И вот на стол к нему летит
Большая утка по-пекински!!!

Окончив потчевать, в конверт
Полез он нежною рукою...
"Гарсон, голубчик мой, десерт!"
И крякнул масляной губою.

А за витриной ресторана,
Смотря на этот дивный сюр...
Стояли Марьи да Ивановы...
Узбек по имени Мансур...

Они в долгах, они в кредитах...
Но я, друзья, вам так скажу...
Я лишь пишу об аппетитах,
Не о политике пишу!